

— Всё в порядке, скоро заживёт, я просто подразнил тебя, — в голосе Кевина всё ещё слышалась лёгкая усмешка. Он несколько раз согнул и разогнул похожие на птичьи лапы пальцы, которые тихонько застучали кость о кость, словно это могло ускорить кровоток и помочь им быстрее затянуться.

Но мгновение спустя его брови всё же нахмурились: эта рука не выдавала никаких признаков заживления, да и со второй, которой он закрывал глаза Тенис, тоже творилось что-то неладное — от самого локтя на ней разошлось несколько трещин.

— Кажется, малышка, тебе придётся пойти поиграть с кем-нибудь другим... — Кевин убрал ладонь, которой закрывал ей глаза.

Когда он отвёл её в сторону, оказалось, что и эта рука истекает кровью, полностью лишившись плоти.

Именно эту картину и застал Освальд, едва переступив порог.

— Что здесь происходит?! — услышал Кевин его напряжённый голос.

— Как раз вовремя. Давай, заberi эту девчушку, а то её сопли уже текут прямо мне на кости, — завидев подмогу, этот несносный Кевин с облегчением перевёл дух и даже умудрился пошутить. — Моей крови хватит, чтобы её целиком искупать, а она ещё и уходить не хочет.

— Отпусти, — даже когда Освальд кого-то опекал, его суровый вид всё равно внушал трепет. Он протянул руки, перехватил Тенис и вытер ей слёзы.

Стоило девочке открыть глаза, как она встретила взглядом с хмурым дядей:

— ...

Шмыгнув носом, она робко разжала пальцы.

Кевин:

— ...

Освальд в несколько шагов донёс её до двери, передал подозванной служанке и собрался было вернуться в комнату.

— Фа... Фа не умрёт? — всхлипывая, спросила Тенис, вцепившись в его рукав.

— Фа? — Освальд так спешил, что не сразу сообразил, о ком речь. Тенис обычно звала людей по первому слогу имени, а по фамилии обратилась впервые.

Он опешил на мгновение и уже собирался отправить девочку прочь, как вдруг услышал донёсшийся из комнаты громкий голос Кевина:

— Твоими бы устами да мёд пить.

Освальд:

— ... — Этот негодяй опять нёс какую-то чушь.

— Больно... впрочем, забудь, — Освальд поймал себя на мысли, что у него, должно быть,

помутился разум, раз он едва не спросил такую глупость, как «болит ли тебе?». На руках уже живого места не осталось, как тут может быть не больно? Спроси он такое, этот тип наверняка лишь отмахнулся бы: «Ну, щекочет не сильнее обычного».

— Будь добр, прикрой дверь, — попросил Кевин, держа на весу свои похожие на птичьи лапы руки. — Не хватало ещё, чтобы стражники снаружи лишились чувств от страха.

Освальд за спиной закрыл дверь, а затем пошарил во внутреннем кармане у самой груди и достал из потайного отделения ключ.

— Но ведь замочная скважина забита... — не сразу понял Кевин.

Он хлопнул глазами, глядя на то, как Освальд с недовольным видом подошёл ближе и, нахмурившись, склонил голову. Его руки замерли на весу: он явно хотел прикоснуться, но не знал, за что ухватиться.

— Довести Императора до дрожи в руках — это, надо признать, достижение, — снова поддразнил его Кевин. Он протянул руки к Освальду и, словно пытаясь напугать, пошевелил обнажившимися белыми костями. — Ну как, похоже на обглоданные куриные лапки? Хочешь потрогать — трогай, кости всё равно почти ничего не чувствуют.

— ... — Освальд лишь смерил его угрюмым взглядом — надо же было умудриться шутить в такой момент.

Он осторожно приподнял костяные кисти Кевина, повернул цепь на его руках и, обойдя забитую скважину, перевернул замок. Снизу показалось ещё одно, скрытое от глаз отверстие, куда Освальд и вставил ключ.

Раздался негромкий щелчок, и наручники раскрылись.

Лишь когда Освальд с той же предельной осторожностью снял вторые наручники, Кевин восхищённо покачал головой:

— Ты что, всю свою изобретательность на эту штуку извёл?

Освальд, опасаясь, что кандалы заденут фаланги его пальцев, быстро смотал их и отложил в сторону. Пройгнорировав вопрос, он уставился на руки Кевина:

— Последние пару дней новые раны ведь не появлялись? Что произошло сегодня?

Последние два дня на теле Кевина действительно не прибавлялось ни единой царапины. Освальд даже решил, что тот пошёл на поправку, и намеревался сегодня снять с него все запреты. Кто же знал, что всё повторится.

Кевин пожал плечами и покачал головой:

— Сам толком не пойму. Рассказывал сказку твоей девчужке, и вдруг на тебе.

— Почему они не затягиваются? — нахмурился Освальд. Он пристально, почти не моргая, разглядывал руки Кевина, словно пытаясь уловить малейшие изменения.

— Боюсь, в этот раз быстро не заживёт, — Кевин попробовал шевельнуть кончиками пальцев, но те двигались ещё хуже, чем прежде, почти не слушались его. — Столько времени прошло, в обычных условиях плоть бы уже наполовину восстановилась.

— Раньше такое бывало?

Кевин ненадолго задумался и махнул рукой:

— Сколько лет я уже живу, разве всё упомнишь? Наверное, бывало.

Слыша от него эти вечные «может быть», «вероятно» и «наверное», Освальд начинал закипать. Создавалось впечатление, что Кевину плевать не только на боль, но и на собственную жизнь.

Выживет — хорошо, а если в один прекрасный день ему проткнут сердце или случится другая беда, то и ладно. Освальду порой казалось, что отношение Кевина к жизни в корне противоречит здравому смыслу, будто брэнное тело для него не представляло никакой ценности. То ли он жил слишком долго и пресытился этим миром, то ли крылась какая-то иная причина.

Но какова бы ни была причина, подобное безразличие не на шутку злило Освальда.

— Тебе что, совсем плевать на собственное тело?! — не сдержавшись, резко спросил Освальд.
— Должен же быть какой-то выход! Раз ты прожил столько лет, ты обязан знать способ всё исправить!

Кевин удивлённо взглянул на него:

— Чего это ты вдруг так вскипел?

Освальд:

— Ты!..

Он осёкся на полуслове, судя по всему, от злости потеряв дар речи. Долго и холодно сверлив Кевина взглядом, он наконец не выдержал, устало провёл ладонью по лицу и выдавил:

— Забудь. Просто попытайся вспомнить, как с этим бороться. Скажи, если нужно какое-то средство или человек, я отправлю людей на поиски.

Кевин какое-то время смотрел на его полуопущенные веки, а потом тихонько рассмеялся:

— Если мне не изменяет память... в детстве, когда я тебя допекал, ты не раз грозился, что, как только вырастешь, заставишь меня приползти с улыбкой, а уйти со слезами. Что это с тобой случилось? С чего вдруг вызвался бегать у меня на посылках?

Костяшками пальцев он кое-как попытался расправить пропитанную кровью одежду:

— До сих пор не понимаю, что в головах у детей. Растут, и меняются до неузнаваемости...

— ... — Видя, что тот опять заводит пустую болтовню, Освальд разозлился ещё сильнее, но выплеснуть гнев было не на кого. Ему оставалось лишь хмуро взглянуть на него и буркнуть в ответ: — Хватит мучить свои ободранные куриные лапки. Будто от твоих стараний эта одежда снова станет пригодной для носки.

Заметив, что к Императору вернулась привычная язвительность, Кевин улыбнулся:

— Вот это уже больше похоже на твой обычный тон.

Освальд:

— ...

— И не смотри на меня с таким лицом кирпичом, — добавил Кевин. Заметив, что Освальд помрачнел ещё сильнее, он наконец заговорил по делу, хотя на губах его всё ещё играла едва заметная усмешка: — Я столько лет пролежал под землей и всё же восстал из мёртвых, так что эта содранная шкура — сущая ерунда. Подобное наверняка случалось раньше, и в конце концов всё заживало, поэтому я и не придавал значения. Кажется, я тебе не объяснял, но на скорость регенерации влияет множество факторов.

Освальд вскинул на него взгляд:

— Каких факторов?

Кевин указал пальцем в сторону окна, начиная жестикулировать:

— Ну, к примеру, окружение, погода, и...

— Да разговаривай ты нормально, обязательно своими обрубками размахивать? — с непередаваемым выражением лица Освальд уставился на его кисти. Он всерьёз опасался, что суставы держатся на честном слове, и если Кевин продолжит ими вертеть, кости просто посыплутся на пол одна за другой.

— Цыц, — Кевин скосил на него глаза. — И чего ты такой зануда? Я почти не чувствую пальцев, так что разминаю их, чтобы не потерять подвижность. Есть возражения?

Освальд сухо отрезал:

— Есть.

Кевин:

— Попридержи их.

<http://bllate.org/book/18285/1753226>